

Осторожно предположу, что искомый источник — картина Жака Луи Давида (Jacques-Louis David, 1748–1825) «Сапфо и Фаон». Она была заказана художнику для своей коллекции знаменитым дипломатом и меценатом Н. Б. Юсуповым (1750–1831). В период, когда ее мог видеть Майков, картина находилась в Юсуповском дворце на набережной реки Мойки в Петербурге, где Б. Н. Юсуповым (1794–1849), сыном основателя коллекции, была организована картинная галерея.⁷⁸ Отец Майкова, Николай Аполлонович, очевидно, был хорошо знаком с семьей Б. Н. Юсупова, во всяком случае, известно, что одной из лучших работ Майкова-старшего являются плафоны в особняке на Литейном проспекте, принадлежащем вдове князя, Зинаиде Ивановне, урожденной Нарышкиной (1809–1893).⁷⁹ На картине мы видим и лиру у колен Сапфо, и «юного полубога» Амура у ее ног, в которого трансформировался некто, кто «блажен» и «равен богам», и Фаона, которому принадлежит авторский голос.

Гендерные трансформации стали характерным атрибутом переводов и переложений Второй оды Сапфо еще во Франции. В России процессы происходили не так последовательно, зачастую весьма эклектично. В данной статье сделана попытка построить некоторую типологию вариантов перевода и прочесть причины выбора автором того или другого из них.

Поэтическое выражение любви и ревности, однажды описанное знаменитой гречанкой, заставляло поэтов, писателей и ученых возвращаться к этому вечному тексту, имеющему почти магическую притягательную силу, осмыслять его, создавая новые образы и отражая себя в собственном произведении.

⁷⁸ Савинская Л. Ю. Коллекция живописи князей Юсуповых — феномен художественной культуры России второй половины XVIII — начала XX века. М., 2017. С. 464, 468.

⁷⁹ Памятники архитектуры Ленинграда. [2-е изд., перераб. и доп.]. Л., 1969. С. 341; Крюковских А. П. Дворцы Санкт-Петербурга. СПб., 1997. С. 220.

DOI: 10.31860/0131-6095-2024-2-136-143

© Сун Инънань (КНР)

ДИНАМИКА ДУХОВНО-ПРАВСТВЕННОЙ ДЕГРАДАЦИИ ГЕРОЕВ РОМАНА У ЦЗИНЬЦЫ «НЕОФИЦИАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ КОНФУЦИАНЦЕВ» И ПОЭМЫ Н. В. ГОГОЛЯ «МЕРТВЫЕ ДУШИ»

У Цзиньцзы (1701–1754) в китайской литературе занимает место, вполне сопоставимое со значением Н. В. Гоголя в истории русской литературы. Ху Ши называет У Цзиньцзы не просто образованным и культурным, но благородным человеком,¹ что в рамках китайской традиции должно быть прочитано как выражение высшей похвалы. Роман «Неофициальная история конфуцианцев» так же, как поэма «Мертвые души» для русской классической литературы, — это лучший сатирический роман в истории китайской литературы.² Несмотря на то что произведения написаны на разном социокультурном материале, оба автора видели свою творческую задачу в описании социальных и нравственных пороков, поэтому в текстах представлено большое

¹ 胡适:《吴敬梓传》,载《儒林外史》前言,上海:亚东图书馆,1920年,第1页。(Ху Ши. Биография У Цзиньцзы. Предисловие // У Цзиньцзы. Неофициальная история конфуцианцев. Шанхай, 1920. С. 1).

² Фишман О. Л. Китайский сатирический роман (Эпоха Просвещения). М., 1966; «Жулинь вайши» яньцзю луньвэньцзи («Неофициальная история конфуцианцев»: Сб. статей). Пекин, 1987.

количество отрицательных персонажей. Пороки, выявленные авторами, показаны как в статике, так и в динамике. Под динамикой мы понимаем как описание актуальной деградации, т. е. нравственного падения героя, происходящего в ходе сюжетного повествования, так и внесюжетные элементы, раскрывающие историю формирования личности персонажа.

Важно отметить, что сатира на общество, свойственная классической русской литературе, не столь характерна для китайской классики.³ Обыкновенность героев романа «Неофициальная история конфуцианцев» — безусловное новаторство в китайской литературе, которой до работы У Цзиньцзы был свойствен флер героического эпоса: главными героями могли стать лишь выдающиеся по своим положительным качествам люди — великие государственные деятели, знаменитые полководцы и т. д.⁴

В российской синологии обычно принято деление романа «Неофициальная история конфуцианцев» на три части.⁵ Поскольку в рамках данной работы нас интересует развитие отрицательных образов, мы остановились на первой, в которой создана целая галерея китайских чиновников, которые ничуть не уступают русским чиновникам, высмеянным Гоголем, — лицемеров и взяточников; боящихся вышестоящего начальства и нарушающих права нижестоящих; готовых на любую мошенническую операцию, если она обещает быть выгодной и не грозит им наказанием. Несмотря на сходство социальных пороков, представленных в обоих рассматриваемых нами произведениях, необходимо отметить, что «Неофициальная история конфуцианцев» содержит и другие части, в которых автор дает возможность увидеть и положительные социальные модели (пролог, вторая часть) и даже добродетели (третья часть). Таким образом, если «Мертвые души» — это портрет человеческих пороков, то «Неофициальная история конфуцианцев» является также «иконой социума», портретом идеального общества, к которому следует стремиться.

Как известно, Гоголь часто подвергался критике за отсутствие в его произведениях подлинно положительных героев, истинных примеров для подражания. Так, в частности, Н. И. Греч описывал «Мертвые души» как «особый мир негодяев», в котором нет порядочных людей.⁶ Между тем писатель обосновывал свой выбор характеров тем соображением, что «пора наконец дать отдых бедному добродетельному человеку»,⁷ подразумевая, очевидно, что идеализированные персонажи всегда неестественны и больше способствуют развитию лицемерия, чем формированию идеального общества. Гоголь обвиняет писателей в том, что они «изморили добродетельного человека до того, что теперь нет на нем и тени добродетели, и остались только ребра да кожа вместо тела; потому что лицемерно призывают добродетельного человека; потому что не уважают добродетельного человека» (7-1, 211).

Несмотря на то, что все персонажи поэмы Гоголя — «подлецы», известно, что писатель планировал создать продолжение «Мертвых душ», в котором герои прошли бы через страдание и пережили бы катарсис.⁸

³ Позднеева Л. Д. Сатира У Цзиньцзы и его идеалы в романе «Неофициальная история конфуцианцев» (XVIII в.) // Труды межвуз. науч. конф. по истории литератур зарубежного Востока. М., 1970. С. 289–300.

⁴ Аликберова А. Р. Китайская литература Нового времени. XVII в. — начало XX в.: Учеб. пособие. Казань, 2014. С. 130.

⁵ Воскресенский Д. Н. У Цзиньцзы и его роман «Неофициальная история конфуцианцев» // Воскресенский Д. Н. Литературный мир средневекового Китая. Китайская классическая проза на байхуа: Собр. трудов. М., 2006. С. 589–603.

⁶ [Греч Н. И.]. [Рец. на:] Похождения Чичикова, или Мертвые души. Поэма Н. Гоголя. Москва. 1842. В типографии Университетской, на большую 8-ю д. л. 475 стр. // Северная пчела. 1842. 22 июня. № 137. С. 2.

⁷ Гоголь Н. В. Мертвые души: Поэма // Гоголь Н. В. Полн. собр. соч. и писем: В 23 т. М., 2012. Т. 7. Кн. 1. С. 211. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте сокращенно, с указанием номера тома и страницы.

⁸ Манн Ю. В. В поисках живой души: «Мертвые души». Писатель — критика — читатель. 2-е изд., испр. и доп. М., 1987. С. 266–267; Бухарев А. М. Три письма к Н. В. Гоголю, писанные в 1848 году. СПб., 1861 [на титуле 1860]. С. 136; Гиппиус В. В. Гоголь. Л., 1924. С. 233.

Перейдем к сравнительному анализу динамики духовно-нравственной деградации героев в «Неофициальной истории конфуцианцев» и «Мертвых душ». В романе У Цзиньцзы отрицательные образы героев в основном представлены в динамическом развитии, однако по большей части читатель знакомится не с полной биографией персонажа, а с ее фрагментом. В качестве примера можно назвать истории Чжоу Цзиня, Фань Цзиня, скряги Яня и его брата Яня Чжи-Хэ. В некоторых случаях небольшая деталь становится способом отразить динамику деградации. Так, например, о жене Фань Цзиня мы знаем лишь то, что после того, как ее муж разбогател, она «заважничала и стала задирать нос».⁹ Полную биографию героя можно встретить в прологе романа, однако он раскрывает положительную динамику развития личности Ван Мяня — человека, отказавшегося от карьеры ради истинного, а не формального знания и творчества. Можно предположить, что У Цзиньцзы «не удостаивает» отрицательных героев полной биографии, а раскрывает динамику нравственной деградации в некотором временном промежутке.

В поэме Гоголя действующие лица преимущественно находятся в статическом состоянии: Манилов, Ноздрев, Собакевич, Коробочка и губернские чиновники показаны не в нравственном падении, а в нравственной спячке (или безнравственной статике). И только два персонажа гоголевского текста представлены в динамике деградации — Чичиков и Плюшкин. С нашей точки зрения, объяснить это можно по-разному: с одной стороны, тем, что они всеобъемлюще одержимы одной страстью — стяжательством (хотя каждый по-своему: Чичиков активно, а Плюшкин пассивно). С другой стороны, там, где есть динамика, даже если она отрицательная, динамика падения, возможен и трек восхождения, возрождения; тогда как статика не дает такой перспективы.

Сюжетная канва «Мертвых душ» такова, что герои-помещики предстают в «декорациях» своих поместий, которые являются отражением их личности, привычек и нравственной динамики или статики. Так, Манилов изображен на фоне дома, в котором «чего-нибудь вечно не доставало» (7-1, 25): эlegantность мебельного гарнитура нарушается простой и грубой обивкой двух кресел, на столе соседствуют дорогой модный подсвечник и старый закопченный и т. д. Собакевича мы видим на фоне добротного, хотя и не вполне соответствующего архитектурным канонам дома, в обстановке, в которой «все было прочно, неуклюже в высочайшей степени» (7-1, 91). Плюшкина мы встречаем в поместье, находящемся в таком плачевном состоянии, что сложно угадать в этом темном разрушающемся строении дом богатого помещика, а в «старой ключнице» (7-1, 425) самого хозяина дома.

Отдельный интерес представляет фон, на котором раскрывается образ Чичикова. Не-чиновник и не-помещик, он едет в бричке неизвестно откуда и неизвестно куда: несмотря на иллюзию развития, вечного движения, герой находится в состоянии статики, а ее иллюстрацией можно считать неизменно пьющего Селифана и лакея Петрушку с его особым, также не меняющимся, запахом.

В романе «Неофициальная история конфуцианцев» отражением динамики героев становится, скорее, отношение к ним общества — своего рода социальный капитал. Так, например, в знак уважения и учителю Чжоу, и чиновнику Мэй Цзю в чай кладут финики, тогда как остальные пьют просто чай. При этом учитель беден, а чиновник живет в достатке. Необразованный мясник Ху дает своему зятю, вечному студенту Фань Цзиню, крайне нелестные эпитеты и ругает его на людях, пока последний не получает повышения по службе. Риторика теста достаточно быстро меняется, и он с таким же рвением хвалит своего зятя: «...всегда говорил, что у моего просвещенного зятя таланта и знаний хоть отбавляй, да и внешность у него предстательная...» (с. 59).

⁹ У Цзиньцзы. 1) Жулинь вайши (Неофициальная история конфуцианцев). Пекин, 1954; 2) Жулинь вайши (Неофициальная история конфуцианцев) / Под ред. Ли Хань-цзо. Хэфэй, 1986. Рус. пер.: У Цзиньцзы. Неофициальная история конфуцианцев / Пер. и предисловие Д. Воскресенского. М., 1959. С. 59. Далее ссылки на этот роман приводятся в тексте по последнему изданию, с указанием номера страницы.

Другим признаком социального уважения, отражающим динамику, является добавление к своему имени *позднорожденный* при обращении к вышестоящим по социальной лестнице:

«— Как ваша фамилия? — спросил Ван.

Зная, что гость имеет степень цзюйжэня, Чжоу Цзинь ответил почтительно:

— Фамилия позднорожденного Чжоу» (с. 63).

Подобного рода тонкостей этикета, отражающего мельчайшие изменения в развитии героя, в тексте романа достаточно много: приглашение или отсутствие приглашения к столу, предоставление парадных или задних комнат для проживания в доме и т. п.

Таким образом, на примере рассматриваемых произведений можно увидеть, что для русской литературы раскрытие характера реализуется посредством обращения к материальному окружению (описанию обстановки, предметов быта, принадлежащего герою имуществу); в китайской литературе — напротив, через призму социального окружения (важно восприятие героя окружающими и те знаки внимания или, наоборот, неуважения, которые ему оказывают).

Использование биографии как способ показать историю развития, сконструировать образ героя встречается в описании почти каждого персонажа поэмы «Мертвые души» — Гоголь как бы случайно, несколькими штрихами дает представление о том, какие обстоятельства привели к его нынешнему состоянию. Однако полные биографии, по мнению исследователей, даны только двум героям — Чичикову и Плюшкину, поэтому мы ограничимся рассмотрением этих образов.

В романе «Неофициальная история конфуцианцев» биографический метод реализуется как бы на двух уровнях: личная биография героев и общая биография народа. Нравственное падение отдельных персонажей, особенно тех, кто занимает определенное положение в обществе, не просто является личной духовной деградацией, но приводит к разложению всего общества. Поэма «Мертвые души» в этом смысле еще более символична: каждый герой — одновременно и символ порока, и носитель этого порока, и личность, и собирательный образ — портрет народа.

История жизни Чичикова представлена в последней главе поэмы как некое оправдание всему поведению главного героя. Он выступает как бы из темноты: «Темно и скромно происхождение нашего героя» (7-1, 211). Автор уводит читателя в бедное, малопримечательное, одинокое детство Чичикова: «Жизнь при начале взглянула на него как-то кисло-неприятно, сквозь какое-то мутное, занесенное снегом окошко: ни друга, ни товарища в детстве!» (7-1, 211). Мы можем проследить, что с самого детства Чичикова приучали скорее к лицемерию, чем к истинной добродетели: «...вечное сиденье на лавке, с пером в руках, чернилами на пальцах и даже на губах, вечная пропись перед глазами: „Не лги, послушуй старшим и носи добродетель в сердце“» (7-1, 211).

Главный герой поэмы не обладает большими способностями в учебе и не сильно стремится к знаниям, а ищет лишь материального благополучия, демонстрируя «практический ум». Получив при поступлении в учебное заведение от отца установку: «...больше всего угождай учителям и начальникам. Коли будешь угождать начальнику, то, хоть и в науке не успеешь и таланту Бог не дал, все пойдешь в ход и всех опередишь» (7-1, 212), — Чичиков принимает этот завет как фундамент своего мировоззрения. Угождение вышестоящим (учителям, начальникам и «тем, которые побогаче» (7-1, 212)), а также поиск возможностей для заработка становятся основой идентичности главного героя. Заискивание перед невежественным учителем, требующим не знания своего предмета, а примерного поведения; продажа детских поделок; перепродажа лакомств, купленных на рынке, одноклассникам; дрессировка мыши на продажу — все эти «спекуляции» экономического и психологического характера позволяют ему в соответствии с советом отца «сколачивать копейку».

Важно отметить своего рода трудолюбие, «непреодолимую силу характера» Чичикова, зародившуюся в детстве и сохранившуюся на протяжении всей жизни. Он буквально рвется из своей «кисло-неприятной» жизни в светлое, сытное и благополучное будущее. Вся мотивация его поведения заключается в стремлении к богатству и высокому общественному положению: «...ему мерещилась впереди жизнь во всех

довольствах, со всякими недостатками, экипажи, дом, отлично устроенный, вкусные обеды, вот что беспрерывно носилось в голове его» (7-1, 215). Ради благополучной жизни, с голландскими рубашками и особым видом мыла, он готов и на упорный труд в казенной палате, и на неэтичное поведение с некрасивой дочерью начальника, а также на прямое нарушение закона — взяточничество. Разоблачение его преступлений и понижение по службе не останавливают Чичикова, а лишь заставляют его вновь вернуться к жизни, полной лишений, ревностного труда и благообразного лицемерия.

Герой романа «Неофициальная история конфуцианцев» Чжоу Цзинь прошел длинный путь, полный лишений, чтобы попасть на свое место цензора. Большую часть жизни он был неудачливым учителем, который никак не мог сдать экзамен на звание сюэя. Мы встречаем этого героя в бедности, когда на нем «старая войлочная шляпа, изношенный халат из черного шелка с большими дырами на правом рукаве и пониже спины. На ногах — ветхие шелковые туфли огромного размера» (с. 58). Однако он честен, тщательно исполняет свой долг, а также проявляет высокие морально-нравственные качества: например, в течение десяти лет соблюдает траурный пост по умершей матери. Он не ропщет и следует всем правилам иерархически выстроенного социума. Так, он не соглашается принять поклон от младшего по возрасту, но старшего по званию человека (с. 59).

Готовность Чжоу Цзиня к многолетним испытаниям и лишениям ради заветной мечты — успешной сдачи экзаменов, его упорство и настойчивость в ее достижении не уступают упорству и настойчивости Чичикова. Мечта Чжоу Цзиня — мечта благородная, однако ее исполнение также связано с возможностью жизни в достатке, а тот факт, что Чжоу Цзинь жизнь кладет именно на сдачу экзаменов, а не углубление своих знаний вне государственной системы, говорит скорее о том, что истинной причиной является карьерный рост и улучшение материального благополучия. Многолетние и безрезультатные усилия Чжоу Цзиня вызывают сочувствие у окружающих: ему предлагают место учителя, приглашают как почетного гостя, предоставляют возможности для дополнительного заработка. Благодаря счастливому случаю Чжоу Цзинь вознагражден за многолетние лишения: необразованные, но состоятельные купцы, увидев страдания Чжоу Цзиня, сжалились и оплатили ему экзамен, после которого Чжоу получил место чиновника третьего разряда, а затем и цензора. Чжоу Цзинь и тут проявляет лучшие качества: старается не забывать о своем прошлом, внимательно проверяет работы экзаменуемых, чтобы не допустить несправедливости. Однако, встретившись с экзаменуемым Фань Цзинем, напомнимшим Чжоу его собственную несчастливую судьбу, он нарушает свой обет справедливо выставлять оценки и ставит Фань Цзиню высокий балл за плохую работу, лишая действительно талантливого юношу — студента и поэта Вэй Хао-гу — заслуженной высокой оценки. В этом эпизоде, который, казалось бы, свидетельствует об отзывчивости Чжоу (ведь он помог человеку, положившему, как и он когда-то, всю жизнь на подготовку к экзамену), на самом деле прослеживается скрытая зависть к настоящему таланту и чиновничья безынициативность.¹⁰ Аргументом Чжоу для отказа поэту в принадлежащем ему по праву успешном прохождении экзамена и повышении по службе является упрек в любви к поэзии, которую не любит император: «Нынешний император выше всего ценит сочинения. Как же вы смеете говорить об эпохе Хань и Тан <...> Видно, вы гонитесь за славой, а не за знаниями» (с. 74).

Облагодетельствованный Чжоу Цзинем Фань Цзинь держит экзамены на цзюйжэня и получает это высокое звание. После них герой обретает богатство и почет. Однако материальное благополучие не принесло нравственной пользы Фань Цзиню:

Кто степень получил почтенного цзюйжэня,
Тому недолго стать бесстыдным обиралой.
Как много на земле чудесных превращений!
Услужливый студент становится сутягой!
(с. 85)

¹⁰ Воскресенский Д. Н. У Цзинцзы и его роман «Неофициальная история конфуцианцев». С. 589–603.

Как отмечает Воскресенский, «эволюция персонажа в худшую сторону обусловлена переменой его „социального лица“: преуспевающему чиновнику свойствен иной тип мышления, чем неудачливому претенденту на должность».¹¹ Символическим мировоззренческим переходом становится краткое умопомрачение Фань Цзиня — это своего рода духовная смерть, после которой герой оказывается совсем другим человеком. Мать Фань Цзиня не смогла пережить богатства и умерла вскоре после переезда в новый дом, а жена переняла манеру мужа и «как стала госпожой, начала нос зади- рать» (с. 88).

Изменения в социальном положении, мировоззрении и поведении героев отража- ются на отношении к ним автора:¹² в роли неудачников персонажи вызывали сочув- ствие и симпатию, однако, превратившись в невежественных и заносчивых чиновни- ков, они подвергаются жесткой критике. Писатель показывает, как легко меняются правила в жестко структурированном иерархическом обществе по мере продвижения по социальной лестнице: «Этикет, конечно, незыблем, но нет правил без исключе- ния...» (с. 91) — такими словами успокаивает Фань Цзиня его друг, оправдывая нару- шение строгого траура по матери. Горе Фань Цзиня проявляется во внешних атрибу- тах: например, он беспокоится о наличии самого простого столового прибора, заставляя хозяина несколько раз вставать из-за стола в поисках такого, который отразил бы ба- ланс между высоким положением гостя и глубиной его горя. Однако, получив требуе- мое, Фань Цзинь спокойно употребляет в пищу мясо, нарушая тем самым этикет опла- кивания родителей.

Невежественные чиновники Фань Цзинь и Чжоу Цзинь — не единственные, с кем после успешной сдачи экзаменов произошла разительная перемена, однако в рамках данной статьи мы не будем останавливаться на других аналогичных примерах (Куан Чаожэнь, Нью Пулан), стремясь выдержать баланс между героями «Неофициальной истории конфуцианцев» и «Мертвых душ».

Одним из серьезных социальных пороков, высмеиваемых как У Цзиньцзы, так и Гоголем, является жадность. Лучшей иллюстрацией жадности в поэме «Мертвые души» становится Плюшкин. Многие исследователи рассматривают этот образ как наи- более неоднозначный в галерее помещиков¹³ во многом из-за максимальной степени душевной «омертвелости», духовной смерти Плюшкина.¹⁴ Сложность образа достига- ется также за счет биографической справки о прежней жизни: герой не сразу родился «прорехой на человечестве» (7-1, 114), а был «только бережливым хозяином» и хоро- шим семьянином. Биографический экскурс придает большую динамику,¹⁵ а следова- тельно, и человечность образу Скряги.¹⁶ Человечность Плюшкина, однако, не только не оправдывает его, а напротив, становится дополнительным обвинением, поскольку он не сохранил того положительного, доброго начала, которое было в нем заложено. Жадность Плюшкина, развиваясь из простой хозяйственности, доходит до высшей, болезненной степени, когда его собственные крепостные крестьяне смеются над ним с презрением: «Вон, уже рыболов пошел на охоту!» (7-1, 110).

У жадности много лиц. Все те грани порока, которые Гоголь сумел объединить в одном Плюшкине, в романе У Цзиньцзы раскрываются в нескольких персона- жах. Сопоставимыми по силе и яркости в романе являются, пожалуй, образы двух братьев Яня и Яня Чжи-Хэ. В образе брата Яня обнаруживается жадность-хитрость,

¹¹ Там же.

¹² Там же.

¹³ Ранчин А. М. Еще раз о композиции «помещичьих» глав первого тома поэмы Н. В. Гоголя «Мертвые души» // Литературоведческий журнал. 2009. № 24. С. 17–42.

¹⁴ Белый А. Мастерство Гоголя. М.; Л., 1934. С. 103.

¹⁵ Манн Ю. В. В поисках живой души. С. 267; Бухарев А. М. Три письма к Н. В. Гоголю... С. 136; Гиппиус В. В. Гоголь. С. 233.

¹⁶ Шевырев С. П. Похождения Чичикова, или Мертвые души. Поэма Н. Гоголя. Статья вто- рая // Критика 40-х годов XIX века / Сост., вступ. статья, преамбулы и прим. Л. И. Соболева. М., 2002. С. 174 (Библиотека русской критики).

порождающая жестокость. Характерным примером можно назвать эпизод со свиньей: Янь отказывается забрать своего поросенка, забредшего на соседский участок, и продает его соседу. Однако, когда откормленный соседом поросенок забегает на участок Яня, тот запирает его и предъявляет права на свое имущество, требуя от соседа значительного выкупа. В ответ на протесты соседа по приказу Яня жестоко избивают. Подобной жестокости мы не видим в образе Плюшкина. Однако равнодушие помещика к судьбе крестьян, зависящих от его процветания и благосостояния, возможно, также проявление жестокости, хотя и иного типа. Это качество Плюшкина раскрывается и в его отношениях с детьми.

Жестокий Янь, избив соседа, скрывается от правосудия, а улаживать дела предостойт его младшему брату Яню Чжи-Хэ. Этот персонаж также олицетворяет порок, хотя и иного рода — мелкую, скупую жадность. Однако несмотря на скупость, ему приходится расстаться с некоторыми суммами, чтобы при помощи своих шуринов откупиться от вышестоящих чиновников. Плюшкин также вынужден, вопреки своей скупости, тратить средства на подушевые подати. Иными словами, скупость в обоих случаях ограничивается некоторыми правилами, установленными в обществе, и не переходит границы, становясь мошенничеством. Так, например, скованный традициями русского гостеприимства, Плюшкин вынужден принять Чичикова: «Но так как гостеприимство у нас в таком ходу, что и скряга не в силах преступить его законов, то он прибавил тут же несколько внятнее: „Прошу покорнейше садиться!“» (7-1, 115). Радость от того, что Чичиков снял с него необходимость платить лишние деньги, заставляет Плюшкина задуматься о подарке благодетелю. Некоторые исследователи (Ю. В. Манн, В. Н. Топоров) подчеркивают необыкновенную важность душевного порыва, который лишь кажется проявлением бескорыстия, а на самом деле оказывается лишь дополнительным доказательством того, что даже после смерти Плюшкин расчитывает на молитвы и добрую память о дарителе в обмен на испорченные часы.¹⁷ Скупость Плюшкина трагична и комична одновременно.

У Цзиньцзы также раскрывает трагизм и комизм скупости в эпизоде смерти Яня Чжи-Хэ. Тяжело больной Янь Чжи-Хэ, находясь на пороге смерти, никак не может умереть и все силится что-то сказать обступившим его родственникам, поднимая два пальца. Он умирает только тогда, когда его жена тушит второй фитиль в лампе (с. 114). Как отмечает Воскресенский, У Цзиньцзы — мастер «лаконичных характерных деталей».¹⁸ Гоголь также использует яркие детали для раскрытия образа Плюшкина: ликерчик с козявками и всякой дрянью, покрытый плесенью и превратившийся в сухарь кулич (7-1, 118); «чернильница с какою-то заплесневшею жидкостью и множеством мух на дне» (7-1, 121).

Жадность, не признающая родства, проявляется в образах лицемерных братьев Вана Дэ и Вана Жэня (Вана Добродетельного и Вана Гуманного). Братья легко продают интересы умирающей сестры за «взятку»¹⁹ от наложницы ее мужа. Уговаривая его позднее жениться на наложнице, братья опираются на свою мнимую ученость (оба являются сюэями): «Ван Жэнь, отличающийся обширными познаниями, написал проникновенный доклад, обращенный к предкам, и зачитал его молодой» (с. 108).

Жадность Плюшкина также сказывается на его отношениях с родными, хотя и несколько иным способом. После смерти своей жены он не хочет знать своих детей: не вмешивается в их судьбы, предоставляя им терпеть лишения и нисколько не помогая им. Безусловно, можно отнести подобную принципиальность к родительской строгости, поскольку и дочь, и сын не повиновались отцовской воле. Однако небольшой эпи-

¹⁷ См.: *Ранчин А. М.* Еще раз о композиции «помещичьих» глав первого тома поэмы Н. В. Гоголя «Мертвые души». С. 17–42.

¹⁸ *Воскресенский Д. Н.* У Цзиньцзы и его роман «Неофициальная история конфуцианцев». С. 589–603.

¹⁹ Это не вполне взятка, а скорее благодарность наложницы, ставшей женой при живой жене. Она посылала подарки обоим братьям.

зод, в котором простивший старшую дочь Плюшкин берет у приехавшей дочери кулич и халат, но ничего не дает ни ей, ни своим внукам, показывает нам, что истинная причина отстраненности Плюшкина в отношениях со своими детьми кроется не в отеческом негодовании за их непослушание, а в скупости, неспособности расстаться ни с чем из своего имущества.

В обоих текстах при этом мы видим некоторую закономерность: чем сильнее жадность, тем мельче становится личность и тем большее презрение она вызывает у авторов и у читателя. Можно воспользоваться характеристикой Гоголя для героев, олицетворяющих жадность в обоих произведениях, и сказать, что человеческие чувства в них «мелели ежеминутно» (7-1, 113).

Итак, динамика развития личности героя, его путь, представленный в небольших биографических справках, как у Гоголя, или в подробном последовательном разворачивании жизненного пути героя, как у У Цзыньцзы, позволяет лучше понять причины поступков героев. Социальные пороки вызывают в русской и китайской культурах одинаковую реакцию — презрение к личности. Однако оба писателя чувствуют необходимость исследовать общественное зло, чтобы, выявив недуг и поставив диагноз обществу, иметь возможность вылечить его от этого порока. Исследование отрицательной динамики развития героя и в том и в другом случае является лишь «историей болезни». Оба писателя стремились показать не только больное общество, но и здоровое, общество-идеал. Однако У Цзыньцзы удалось реализовать это намерение в последних частях своего романа, которые мы не рассматривали в рамках данной статьи, тогда как Гоголь не успел реализовать свой замысел, и мы можем только догадываться о том, как выглядело бы идеальное общество в его представлении.

DOI: 10.31860/0131-6095-2024-2-143-147

© О. В. Макаревич

СОВРЕМЕННЫЕ МСТИТЕЛИ (ОБ ОДНОЙ СТАТЬЕ Н. С. ЛЕСКОВА)*

В 1252-м номере «Нового времени» от 24 августа (5 сентября) 1879 года была помещена анонимная заметка с интригующим названием «Современные мстители». Ее автор обращался к опубликованной накануне «Судебной хронике» и пытался представить изложенные здесь события как отражение актуальных тенденций в обществе. Единичный, незначительный, на первый взгляд, сюжет, представленный в нужном ракурсе, вел к довольно широкому и провокационному обобщению.

Быстрота публикации — буквально на следующий день после появления на страницах газеты самой «хроники» — наводит на мысль о том, что автор заметки был не только жителем Петербурга, но и лицом если не являвшимся постоянным сотрудником газеты, то весьма близким к редакционному кругу. С нашей точки зрения, написать ее мог Н. С. Лесков, к концу августа уже вернувшийся с летнего отдыха в Карлсбаде.¹ Попробуем проанализировать текст, указав на возможные маркеры, подтверждающие наше мнение.

Сюжет «Современных мстителей» основывается на сопоставлении двух уголовных дел. Объединяет их идея мщения, к которому и отсылает заголовок. Следуя литературной

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-01858, <https://rscf.ru/project/22-28-01858/>, ИРЛИ РАН.

¹ О его планах на лето см. письмо к М. Г. Пейкер от 9 июня 1879 года: *Лесков Н. С. Собр. соч.*: В 11 т. М., 1958. Т. 10. С. 461.

24. *Most G. W.* Reflecting Sappho // *Bulletin of the Institute of Classical Studies*. 1995. Vol. 40. Iss. 1.
25. *Pamiatniki arkhitektury Leningrada*. [2-e izd., pererab. i dop.]. L., 1969.
26. *Poiarkova A. A.* Perevodcheskii metod Katulla na primere sravnitel'nogo analiza fragmenta 31 Sapfo i stikhovtoreniia 51 Katulla // *Vestnik MGLU*. 2013. Vyp. 5 (665).
27. *Proskurin O. A.* Literaturnye skandaly pushkinskoi epokhi. M., 2000.
28. *Publii Ovidii Nazon*. Elegii i malye poemy. M., 1973 (ser. «Biblioteka antichnoi literatury»).
29. *Pushkin A. S.* Poln. sobr. soch.: V 20 t. SPb., 2004. T. 2. Kn. 1.
30. *Rasin Zh.* Tragedii / Izd. podg. V. A. Zhirmunskaiia, Iu. B. Korneev. L., 1977 (ser. «Literaturnye pamiatniki»).
31. *Refini E.* Longinus and Poetic Imagination in Late Renaissance Literary Theory // *Translations of the Sublime. The Early Modern Reception and Dissemination of Longinus' Peri Hupsous in Rhetoric, the Visual Arts, Architecture, and the Theatre*. Leiden; Boston, 2012.
32. *Savinskaia L. Iu.* Kolleksiia zhivopisi kniazei Iusupovykh — fenomen khudozhestvennoi kul'tury Rossii vtoroi poloviny XVIII — nachala XX veka. M., 2017.
33. *Sviiasov E. V.* Sapfo i russkaia liubovnaia poezii XVIII — nachala XX vekov. SPb., 2003.
34. *Tolstoi I. I.* Sapfo i tematika ee pesen // *Tolstoi I. I. Stat'i o fol'klоре*. M.; L., 1966.
35. *Wills G.* Sappho 31 and Catullus 51 // *Greek, Roman, and Byzantine studies*. 1967. Vol. 8. № 3.
36. *Zhukovskii V. A.* Poln. sobr. soch.: V 20 t. M., 1999. T. 1. Stikhovtoreniia 1797–1814.

Сун Инънань

доцент института иностранных языков
Нанькайского университета (КНР)

Song Yinnan

Associate Professor, Institute of Foreign Languages
of Nankai University (China)

ORCID: 0009-0002-0278-3836

suninnan@yandex.ru

ДИНАМИКА ДУХОВНО-ПРАВСТВЕННОЙ ДЕГРАДАЦИИ ГЕРОЕВ РОМАНА У ЦЗИНЬЦЗЫ «НЕОФИЦИАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ КОНФУЦИАНЦЕВ» И ПОЭМЫ Н. В. ГОГОЛЯ «МЕРТВЫЕ ДУШИ»

DYNAMICS OF SPIRITUAL AND MORAL DEGRADATION OF THE CHARACTERS OF WU JINGZI'S NOVEL *AN UNOFFICIAL HISTORY OF THE CONFUCIANS* AND N. V. GOGOL'S POEM *DEAD SOULS*

Статья посвящена исследованию динамики духовно-нравственной деградации героев в текстах У Цзиньцзы и Н. В. Гоголя — представителей китайской и русской классической литературы. Рассмотрены варианты демонстрации отрицательной динамики: полная или частичная биография, небольшие авторские ремарки, описание материального и социального окружения. Автор приходит к выводу о том, что в произведениях У Цзиньцзы и Н. В. Гоголя динамика духовно-нравственной деградации является способом выявить и подвергнуть критике индивидуальные пороки как основу деградации общества. При сходном отношении к социальным порокам в китайской и русской культурах способы их репрезентации различаются.

Ключевые слова: У Цзиньцзы, Н. В. Гоголь, духовно-нравственная деградация, «Неофициальная история конфуцианцев», «Мертвые души».

The article analyzes the dynamics of spiritual and moral degradation of the characters in the narratives by Wu Jingzi and N. V. Gogol, two representatives of Chinese and Russian classical literature. The author considers the variants of negative dynamics representation: full or partial biography, author's minor remarks, descriptions of material and social environment. The article suggests that the dynamics of spiritual and moral degradation in the works of Wu Jingzi and N. V. Gogol is a way

to identify and criticize individual vices that lead to the degradation of society. While the attitudes to social vices in Chinese and Russian cultures have much in common, the ways of their representation differ.

Key words: Wu Jingzi, N. V. Gogol, Spiritual and moral degradation, *Unofficial History of the Confucians, Dead Souls*.

Список литературы

1. Аликберова А. Р. Китайская литература Нового времени. XVII в. — начало XX в.: Учеб. пособие. Казань, 2014.
2. Воскресенский Д. Н. У Цзинцзы и его роман «Неофициальная история конфуцианцев» // Воскресенский Д. Н. Литературный мир средневекового Китая. Китайская классическая проза на байхуа: Собр. трудов. М., 2006.
3. Гоголь Н. В. Полн. собр. соч. и писем: В 23 т. М., 2012. Т. 7. Кн. 1.
4. «Жулинь вайши» яньцзю луньвэньцзи («Неофициальная история конфуцианцев»: Сб. статей). Пекин, 1987.
5. Манн Ю. В. В поисках живой души: «Мертвые души». Писатель — критика — читатель. 2-е изд., испр. и доп. М., 1987.
6. Позднеева Л. Д. Сатира У Цзинцзы и его идеалы в романе «Неофициальная история конфуцианцев» (XVIII в.) // Труды межвуз. науч. конф. по истории литератур зарубежного Востока. М., 1970.
7. Ранчин А. М. Еще раз о композиции «помещичьих» глав первого тома поэмы Н. В. Гоголя «Мертвые души» // Литературоведческий журнал. 2009. № 24.
8. У Цзинцзы. Жулинь вайши (Неофициальная история конфуцианцев) / Под ред. Ли Хань-цю. Хэфэй, 1986.
9. У Цзинцзы. Жулинь вайши (Неофициальная история конфуцианцев). Пекин, 1954.
10. У Цзинцзы. Неофициальная история конфуцианцев / Пер. и предисловие Д. Воскресенского. М., 1959.
11. Фишман О. Л. Китайский сатирический роман (Эпоха Просвещения). М., 1966.
12. Шевырев С. П. Похождения Чичикова, или Мертвые души. Поэма Н. Гоголя. Статья вторая // Критика 40-х годов XIX века / Сост., вступ. статья, преамбулы и прим. Л. И. Соболева. М., 2002 (Библиотека русской критики).
13. 胡适:《吴敬梓传》,载《儒林外史》前言,上海:亚东图书馆,1920年,第1页。(Ху Ши. Биография У Цзиньцзы. Предисловие // У Цзиньцзы. Неофициальная история конфуцианцев. Шанхай, 1920).

References

1. Alikberova A. R. Kitaiskaia literatura Novogo vremeni. XVII v. — nachalo XX v.: Ucheb. posobie. Kazan', 2014.
2. Fishman O. L. Kitaiskii satiricheskii roman (Epokha Prosveshcheniia). M., 1966.
3. Gogol' N. V. Poln. sobr. soch. i pisem: V 23 t. M., 2012. T. 7. Kn. 1.
4. Mann Yu. V. V poiskakh zhivoi dushi: «Mertvye dushi». Pisatel' — kritika — chitatel'. 2-e izd., ispr. i dop. M., 1987.
5. Pozdneeva L. D. Satira U Tszintszy i ego idealy v romane «Neofitsial'naia istoriia konfutsiantsev» (XVIII v.) // Trudy mezhvuz. nauch. konf. po istorii literatur zarubezhnogo Vostoka. M., 1970.
6. Ranchin A. M. Eshche raz o kompozitsii «pomeshchich'ikh» glav pervogo toma poemy N. V. Gogolia «Mertvye dushi» // Literaturovedcheskii zhurnal. 2009. № 24.
7. Shevyrev S. P. Pokhozhenia Chichikova, ili Mertvye dushi. Poema N. Gogolia. Stat'ia vtoraiia // Kritika 40-kh godov XIX veka / Sost., vstup. stat'ia, preambuly i prim. L. I. Soboлева. M., 2002 (Biblioteka russkoi kritiki).
8. U Tszintszy. Neofitsial'naia istoriia konfutsiantsev / Per. i predislovie D. Voskresenskogo. M., 1959.
9. U Tszintszy. Zhulin' vaishi (Neofitsial'naia istoriia konfutsiantsev) / Pod red. Li Khan'-tsiu. Khefei, 1986.
10. U Tszintszy. Zhulin' vaishi (Neofitsial'naia istoriia konfutsiantsev). Pekin, 1954.
11. Voskresenskii D. N. U Tszintszy i ego roman «Neofitsial'naia istoriia konfutsiantsev» // Voskresenskii D. N. Literaturnyi mir srednevekovogo Kitaia. Kitaiskaia klassicheskaia proza na baikhua: Sobr. trudov. M., 2006.
12. «Zhulin' vaishi» ian'tsziu lun'ven'tszi («Neofitsial'naia istoriia konfutsiantsev»: Sb. staiti). Pekin, 1987.

13. 胡适:《吴敬梓传》,载《儒林外史》前言,上海:亚东图书馆,1920年,第1页。(Khu Shi. Biografiiia U Tszin'tszy. Predislovie // U Tszin'tszy. Neofitsial'naia istoriia konfutsiantsev. Shangkhai, 1920).

Ольга Владимировна Макаревич

научный сотрудник
Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

Ol'ga Vladimirovna Makarevich

Researcher, Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom),
Russian Academy of Sciences

ORCID: 0000-0002-0244-5797

philologolga@gmail.com

СОВРЕМЕННЫЕ МСТИТЕЛИ (ОБ ОДНОЙ СТАТЬЕ Н. С. ЛЕСКОВА)

MODERN AVENGERS (DEDICATED TO ONE OF THE ESSAYS BY N. S. LESKOV)

В статье ставится вопрос об авторстве заметки «Современные мстители», опубликованной в газете «Новое время» (1879. 24 авг. (5 сент.). № 1252). Проблемно-тематический, стилистический и содержательный анализ позволяет привести ряд аргументов, подтверждающих атрибуцию текста Н. С. Лескову, активно сотрудничавшему в это время в газете.

Ключевые слова: Н. С. Лесков, атрибуция, «Новое время», рассказы ксати (à propos).

The article deals with the authorship of the *Modern Avengers* short essay, published in the *Novoye Vremya (New Time)* newspaper (1879, August 24 (September, 5), № 1252). The analysis of the approach, theme, style and content renders the evidence confirming that this text was penned by N. S. Leskov who was one of the newspaper's contributors at the time.

Key words: N. S. Leskov, attribution, *Novoye Vremya (New Time)* newspaper, stories à propos.

Список литературы

1. *Жирмунский В. М.* Байрон и Пушкин. Пушкин и западные литературы. Л., 1978.
2. *Жирунов П. Г.* Жанр рассказа в творчестве Н. С. Лескова 80–90-х годов XIX века (Проблемы поэтики): Дис. ... канд. филол. наук. Пенза, 2004.
3. *Ильинская Т. Б.* Простонародное сектантство в интерпретации Н. С. Лескова и Г. И. Успенского («Два свинопаса» и «Несколько часов среди сектантов») // Вестник СПбГУ. Сер. Язык и литература. 2009. Вып. 2. Ч. 1.
4. *Ильинская Т. Б.* Русское разноеверие в творчестве Н. С. Лескова. СПб., 2010.
5. Лесков в суворинском «Новом времени» (1876–1880) / Вступ. статья, публ. и комм. О. Е. Майоровой // Лит. наследство. 2000. Т. 101. Неизданный Лесков: В 2 кн. Кн. 2.
6. *Лесков Н. С.* Собр. соч.: В 6 т. М., 1993. Т. 3.
7. *Лесков Н. С.* Собр. соч.: В 11 т. М., 1958. Т. 10, 11.
8. *Федотова А. А.* Пушкинский контекст «египетской» повести Н. С. Лескова «Гора» // Ярославский педагогический вестник. 2011. Т. 1. № 2.

References

1. *Fedotova A. A.* Pushkinskii kontekst «egipetskoj» povesti N. S. Leskova «Gora» // Iaroslavskii pedagogicheskii vestnik. 2011. T. 1. № 2.
2. *I'inskaia T. B.* Prostonarodnoe sektantstvo v interpretatsii N. S. Leskova i G. I. Uspenskogo («Dva svinopasa» i «Neskol'ko chasov sredi sektantov») // Vestnik SPbGU. Ser. Iazyk i literatura. 2009. Vyp. 2. Ch. 1.
3. *I'inskaia T. B.* Russkoe raznoverie v tvorchestve N. S. Leskova. SPb., 2010.